

ГЛАВА I

Здание, где недавно открылся реабилитационный центр для женщин, было старым и не очень хорошо отреставрированным. Сквозь неровно выкрашенные стены виднелись проплешины шероховатой штукатурки. Рамы мазали белилами так тщательно, что не пощадили и стекло. Линолеум положили прямо на сгнившие доски, и он неприятно дыбился под ногами, собираясь волнами чуть ближе к плинтусам. Да и с названием центра явно перемудрили.

Ну какая, к черту, счастливая улыбка может быть у истерзанных жизнью и мужьями женщин? Вымученная, судорожная, заученная, если того требовал крутой на расправу супруг, но уж точно не счастливая.

Влада долго не решалась войти в это здание. Ходила вокруг да около. Неделю, а то и больше. Все приглядывалась, прикидывала, сопоставляла. Вела счет сотрудникам и посетителям.

Посетителей было не так уж много. Их можно было по пальцам пересчитать, и ходили они друг на друга, словно сестры. Одинаково угрюмые, с толстым слоем грима, из-под которого отчетливо проступали замазанные синяки, с привычкой смотреть не в глаза собеседнику, а себе под ноги, судорожно тискать сумочку, если таковая имелась, или пакет с

вещичками. И еще их всех объединяла одна особенность: ощущение загнанности. Чувство постоянного присутствия грубой силы за спиной, от которой хотелось непременно вжать голову в плечи и бежать, бежать, бежать...

Беда — бежать было некуда! Некуда, не к кому, не за чем. Не в реабилитационном же центре селиться. Правда, некоторые женщины обрели здесь приют. Влада насчитала трех постоянных обитательниц. Одна была одинокой. Две другие — с детьми.

Несчастные малыши были точной копией своих несчастных матерей. На угрюмых мордашках застыло выражение вечного страха и обреченности. Влада ни разу не видела, чтобы эти дети улыбались. Ругались между собой и с родительницами часто, не улыбались никогда.

— Здравствуйте, — окликнул ее кто-то со спины.

И Влада моментально сжалась вся, стиснув кулаки в карманах легкого плаща.

— Здравствуйте, милая женщина. Я смотрю, вы давно здесь и все никак не решитесь войти. Что так? — Женщина средних лет в джинсовом костюме, кроссовках и с сумкой через плечо приветливо смотрела на Владу. — Меня Анна Ивановна зовут, а вас?

— Влада. — Она скованно улыбнулась в ответ, отступила в сторону, пропуская даму к ступенькам. — Влада Черешнева.

— Очень приятно. — Анна Ивановна энергично сунула ей в застывшую руку холеную ладонь. — Вы к нам или как?

— Я?.. Я не знаю. — Влада пожала плечами и тут же сморщилась от боли в лопатках.

— Не знаете? Не решились или что?

— Я не знаю, есть ли смысл во всем этом. — Она

обвела взглядом старое ветхое здание, побеленное наспех.

— Смысл? Хм-м... — Голубые глаза, опущенные густо покрашенными ресницами, глянули на нее со значением. — Смысл всегда есть, если не утрачена надежда. Вы ведь сюда не из любопытства каждый день ходите, так?

— А как вы?.. — Она попятилась от въедливой особы. — А как вы угадали?

— Я не угадала. — Анна Ивановна продолжала улыбаться. — Я наблюдала за вами из окна своего кабинета. Я директор этого центра.

— Очень приятно, — не к месту брякнула Влада и покраснела. — Простите... Мне, наверное, пора идти.

— Прощать вас не за что, милая Влада Черешнева. А идти вам действительно пора, только не от нас, а к нам. Идемте, поговорим. Мне кажется, вам есть что мне рассказать. Идемте, не нужно бояться. Здесь вам не причинят вреда.

Ладно, решила наконец Влада. Может, пользы не будет, но и вреда, скорее всего, тоже. А это уже кое-что. Во всяком случае, лучше, чем сидеть день за днем в четырех стенах, ждать возвращения мужа и угадывать по жестам и мимолетным взглядам его настроение.

На первом этаже располагались кабинеты персонала, актовый зал, игровая комната для детей и столовая. Все это Анна Ивановна демонстрировала с великой гордостью и, казалось, не замечала ни затхлого запаха плесени, ни убогой мебели в столовой, ни разношерстных стульев в актовом зале.

— Пусть вас это не пугает, — безошибочно угадала директриса настроение Влады. — Это только начало! Понимаете, создавалось все на голом энтузиазме наших сотрудников. Но не все то золото, что

блестит. Главное — атмосфера дружбы, взаимопонимания и взаимовыручки.

Не успела Анна Ивановна договорить, как со второго этажа по лестнице кубарем скатилась вихрастая чернявая девочка. Малышка едва не упала, растеряв большие, не по росту, резиновые сапожки. Тут же натянула их снова и побежала прямо на женщин. Понять, от кого и от чего она бежит, они смогли уже через мгновение.

— Ах ты, сука малолетняя! — заорала какая-то женщина, едва поспевая за ней вдогонку. — Воровня поганая! Я вот тебе сейчас покажу, как воровать, гнида цыганская!!!

Девчонка прощмыгнула между Владой и Анной Ивановной и скрылась за входной дверью. Женщина остановилась рядом с ними и, тяжело дыша, ткнула дрожащей рукой вслед убежавшей девочке.

— Анна Ивановна, да что же это делается, а?!

— Что случилось, Вера? — поинтересовалась директриса, глянув на сотрудницу так, что даже у Влады мурашки поползли по спине.

— Кормишь, кормишь эту голытьбу, а они благодарят! — со слезой в голосе пробормотала Вера, отступая к стене. — Украла с кухни курицу и отволокла на рынок! Это разве дело?! Начала матери говорить, а та только зубы золотые скалит. Зря вы, Анна Ивановна, пригтели этих змеюк, ох зря! Добра от них не будет. Да и не обижал их никто. Мне соседка рассказывала, что у этой Ирки — ее матери — отродясь никакого мужа не было, бить ее некому. Рожает от кого ни попадя, а мы их корми! Они же тут все сволокут! И Сима мне жаловалась, что у ее ребят леденцы эта вихрастая таскает тайком. Воровня, она воровней и сдохнет, прости господи!

Разрекламированная Анной Ивановной атмо-

сфера дружбы, взаимопонимания и взаимовыручки в тираде этой женщины отсутствовала напрочь. Влада не хотела, да ухмыльнулась. Директриса уловила и тут же нашлась:

— Да! Бывает и такое, Влада Черешнева! А где не случаются проколы? Спускать подобное не в наших правилах. Это цыганское семейство лишило на сегодня вкусного обеда с десяток проживающих. Разве это порядок?!

Не порядок, конечно. Но про десяток проживающих Анна Ивановна явно привирала. Сколько здесь было жильцов, Влада знала абсолютно точно.

— Готовь их на выселение, Вера. — Директриса оглянулась на Владу, спохватившись. — Это наша сестра-хозяйка, я вас не представила, извините.

Извиняться Анне Ивановне пришлось еще несколько раз. То дверь в ее кабинет не открывалась, что-то случилось с замком. Потом по столу, за которым она принялась потчевать Владу чаем, проскользнуло сытое семейство тараканов. Следом, прервав их беседу, в кабинет ворвалась та самая цыганка Ира, и началось такое...

Влада уже пожалела, что явилась сюда. Ругала себя за нерешительность, неспособность противостоять напористости Анны Ивановны. Почему не ушла сразу, спрашивается? Почему потащилась следом за директрисой и слушает теперь эти гадкие гневные реплики? Владе и в ее загубленной жизни подобного хватает под завяз. В тот момент, когда Ира принялась рвать на себе густые волосы и ветхую одежду, Черешнева, не выдержав, встала из-за стола и вышла в коридор.

Там было темно и прохладно. Левее располагалась столовая, где теперь гремели посудой. Направо был выход, туда она и пошла. Возле входной двери у

окна спиной к ней стояла высокая худенькая женщина, видимо из новеньких, и курила в открытую форточку.

— Сбегаешь? — коротко глянула она на Владу через плечо и с пониманием кивнула. — Я тоже хотела сначала сбежать, потом передумала. Ты не торопись.

Влада остановилась, растерявшись. Она всегда теперь терялась, когда с ней заговаривали незнакомые люди. Стойкую неприязненную осторожность за долгих пять лет семейной жизни выпестовал в ней муж. Непременно нужно было что-то сказать в ответ, а она не знала — что именно. Влада даже улыбнуться располагающе не умела и в глаза смотреть при разговоре тоже, а нужные слова она уже года три как не могла подобрать. Так, во всяком случае, утверждал ее муж — Черешнев Игорь Андреевич. Он всегда называл ее косноязычной, глупой и вообще отстойной особой.

— Как тебя зовут?

Женщина пнула окурок в форточку.

— Влада, — проговорила она едва слышно, старательно пряча подбородок в воротник плаща.

Там, на подбородке, красовалась свежая ссадина. Замазать ее не удалось, как ни старалась. Тональный крем почти закончился, и ей пришлось разрезать пластиковый флакончик и собирать остатки по стенкам. Денег Игорь Андреевич ей три дня как забывал оставлять на столике в холле. Было ли то наказанием, или просто супруг страдал забывчивостью, Влада уточнять не стала. Себе дорожке...

— Влада? — удивилась собеседница, развернулась к ней, оглядела с ног до головы и ухмыльнулась не по-доброму. — А ты хорошенькая, Влада. И одета достаточно стильно. Что тебя привело сюда, Влада?

Безысходность или... Или с жиру бесишься? Хотя... Что это у тебя там на подбородке?

«Дура!!! Проклятая дура!!! — ругала себя Влада, безмолвно таращась на женщину. — Что хотела здесь обрести? Что?! Приют, успокоение, понимание?! Да кто станет тебя понимать, если у каждой своя беда?»

— Я Марина, — вздохнула женщина. — Третий день здесь живу. Не сахар житье, конечно, но все же лучше, чем по соседям прятаться, когда любимый спирта обожрется. Ты на меня внимания не обращай, Влада. Злая я. Злая и нехорошая. Здесь все такие, включая директрису. Хоть она и улыбается, и в глаза тебе смотрит с добром, но... Дрянь баба.

— А она почему?

— А потому же, что и все. — Марина поправила сползающий с плеч большой, не по размеру, джемпер в крупную полоску, отряхнула длинную юбку. — Она и центр этот задумала от печали своей великой.

— Из-за мужа?! — ахнула Влада.

— Из-за него, из-за него, родимого. Бил, по слухам, смертным боем. Сломал однажды ей ключицу, переносицу, два пальца на левой руке. Вот тогда она и опомнилась. И сказала себе — хватит. И ушла. А мы, Влада?! Мы сколько терпеть будем? Пока нас не расчленият и не зароят спяну под яблоней в огороде?

Ответа на этот вопрос у Черешневой не было. Терпеть дальше сил не осталось, хотя бабушка — единственный оставшийся родной человек в ее жизни — и призывала ее к терпению.

Бьет — значит, любит, утешала она Владу. Гладила по голове и тут же приводила сотню примеров из собственной жизни и жизни своих соседей по об-

щежитию. Перебесится, перемелется, а там, глядишь, все наладится.

У Варвары, к примеру, той, что жила в соседней тридцать четвертой комнате, муж одно время был просто дьявол во плоти. И бил, и за волосы таскал, и из дома ночью выгонял с грудным младенцем. А потом вдруг будто его подменили. Что ни день, то с цветами. И под ручку гулять выходят в парк по выходным, и машину подумывают купить.

Все наладится, утверждала бабушка, ненавязчиво выпроваживая Владу домой.

Налаживать — вот беда — было уже нечего. Все рухнуло, умерло, покрылось пеплом. Все ее чувства, сомнения, надежды.

— Твой тоже пьет? — Марина вдруг взяла Владу под руку и потащила по коридору в сторону столовой. — Идем обедать. Здесь кормят не густо, но вкусно. И не орет никто, и по зубам не стучит. Идем, Влада. Так твой пьет?

— Нет, — покачала Влада головой.

Игорь Андреевич не пил. Не так чтобы вовсе, но не в том смысле, какой подразумевала Марина.

Игорь Андреевич вообще был уважаемым человеком. Балагуром, весельчаком, душой любой компании. Влиятельным, обаятельным и состоятельным. У него имелась еще куча достоинств, заставляющих женщин млеть от одного его присутствия. Он об этом знал и пользовался всеми, и пользовал всех, как хотел.

Она очень часто задавалась вопросом: «А бьет ли Игорь Андреевич тех женщин, с которыми регулярно спит?» Вряд ли. Судя по тому, как часто они ему звонят, навязывая себя, вряд ли. Для этих целей он держит дома ее — Владу. Она служила ему отдушиной, да и вообще служила.

Если бы кто-то в их городе хоть на миг представил бы себе, каким чудовищем является Черешнев Игорь Андреевич, он ужаснулся бы.

Алчен, подл, продажен, жесток и...

Влада вздохнула. Полный перечень пороков ее мужа упоминается в божественных заповедях. Но этому никто и никогда не поверил бы.

— Веруня! — гаркнула Марина, перекрывая шум в столовой. — Принимай новенькую. Чем кормить станешь?

На первое была домашняя лапша. Второе — на выбор. Хочешь — макароны с рыбной котлетой. Хочешь — картофельное пюре с большим куском вареной рыбы. Был еще морковный салат, винегрет и компот из свежих яблок.

От такой еды Влада почти отвыкла. Игорь Андреевич не терпел плебейской кухни. Все, что предлагалось ему на завтрак, обед и ужин, должно было быть непременно изысканным, свежим, низкокалорийным и обязательно полезным.

Именно так Влада готовить не умела. Она прожила пятнадцать лет с бабушкой в общеджитии. Варила щи, кисели и каши на старой электрической плитке в общей кухне. Пекла блины в старой прокопченной сковородке. Жарила рыбу и картошку в ней же. Редко когда лепила пельмени. О том, что такое баранья лопатка под грибным соусом, она понятия не имела. Мусс из свежей клубники странно задрожал и едва не выпрыгнул из тарелки, когда она впервые потрогала его крохотной чайной ложечкой. Вид взбитых сливок над изысканным десертом вызывал у нее теперь благоговейный трепет. За то, что воздушная белая масса оставила след на ее верхней губе, Влада впервые получила по лицу.

— Надо уметь красиво жрать! — бесился Игорь

Андреевич, нависнув над ней за столом. — Ты должна делать это красиво, поняла или нет?!!

Она поняла, но, как ни старалась, отвратительные сливки постоянно липли к губам. Она хватала салфетку, принималась вытирать рот и нарывалась на очередной приступ недовольства.

— Смотри, Татьяна! — орал Игорь Андреевич, обращаясь к их домашней прислуге. — Смотри, как жрет наша светская львица! Как тебя в свет выводить, скажи?! Ты же всю рожу перепачкаешь жратвой, убожище!..

Марина подвела Владу к расшатанному столику возле окна, почти силой заставила снять плащ и усадила на стул.

— Сиди, я все принесу. Ты что будешь на второе?

Влада остановилась на рыбных котлетах. Как есть рыбу без специального ножа одной вилкой, она теперь не представляла. Этому Игорь Андреевич однажды посвятил целых четыре часа, заставив ее раскрошить и съесть почти килограмм запеченной форели. Форель она теперь ненавидела даже больше, чем Игоря Андреевича...

Марина суетливо метнулась к раздаточному окошку. Быстро заставила тарелками два подноса. Поочередно принесла их. Села напротив Влады и тут же принялась болтать с набитым ртом.

Ох, видел бы ее сейчас Игорь Андреевич! Разве можно раскрывать рот, не успев прожевать?! Да боже упаси! Это очень неприлично, некрасиво и просто неаппетитно. А если еще и крошка какая по неосторожности выскочит, быть беде.

За такую вот крошку Влада, помнится, долго сидела в темной кладовке под лестницей. А потом еще столько же вымаливала прощение. На коленях!!!

— Вкусно. — Марина с сытым удовлетворением

оглядела свои пустые тарелки. — Тебе что, не нравится? К другой еде, наверное, привыкла? Судя по колечкам на твоих пальцах, так оно и есть. Ты, вообще, чего сюда приперлась, Влада? Гусь же свинье явно не товарищ. А ты пришла. Чудно... Ладно, проехали. Ты лучше расскажи, чем ты так мужу не угодила?

— В смысле? — Рот она открыла, разумеется, тщательно пережевав кусочек рыбной котлетки, проглотив его и запив компотом.

— Ну... В том самом смысле, что одета ты по последней моде. Пальцы в брюликах. В ушах тоже не самоварное золото. Балует, стало быть, тебя супруг твой. Балует и денег не жалеет, а ты вдруг сюда на пустую похлебку притащилась. Странно как-то все это. Может, и койку еще попросишь?

— Какую койку? — Влада допила компот, сложив вилку и ложку, как положено по окончании обеда, хотя не съела практически ничего.

— Здесь тому, кто с детьми, отдельную комнату выделяют. А одиночкам, вроде нас с тобой, койку, как в общежитии.

Владу передернуло. Все, что угодно, но только не общежитие. Она сыта общественным проживанием по горло. Ей долго снились очереди в сортир и душевую. Раздолье насекомых, которых сколько ни трави, они все равно возвращаются. Треск обоев по ночам на старых разъезжающихся стенах. Чад на кухне и нескончаемый гвалт. Кто-то кому-то в суп соли со злости насыпал. Кто-то у кого-то украл горсть макарон или три картофелины.

Нет...

В общежитие больше она не вернется никогда. Она лучше будет терпеть измывательства Игоря Андреевича и ждать, ждать, ждать.

Чего ждать? Да чуда же, господи! Она все время ждала чуда. Правильнее — чудесного избавления от страшного человека, скрывающегося под обликом ее уважаемого супруга, — Черешнева Игоря Андреевича.

Он непременно умирал в ее запретном ожидании. Все равно как! Неожиданно от сердечного приступа. Разбивался на машине, возвращаясь домой из фирмы. Самолет, на котором он совершал перелет с отдыха или на отдых, вдруг терпел крушение. Секретарша Жанна — ненавистная длинноногая стерва, вечно презрительно хмыкающая ей в спину, — с чего-то перепутав заменитель сахара, всыпала в кофе своему боссу яд. Или со старой груши в их саду за воротник Игорю Андреевичу падал энцефалитный клещ, и это снова влекло непременною смерть. Смерть, которая стала бы для нее избавлением, путевкой в рай, началом новой свободной и обеспеченной жизни.

Нет, зря она сюда пришла. Ее ожидание именно здесь, в этом центре, станет еще более мучительным и отвратительным. Оно будет ей ежедневно, ежечасно и ежеминутно напоминать о том, что может ожидать ее, не потерпи она еще немного.

Игорь Андреевич ясно дал понять, что никакого развода он не потерпит. Развода на ее условиях. Ни о каком дележе имущества она мечтать не может.

С котомкой за ворота — единственный вариант ее долгожданной свободы. В общежитие к бабушке, к сковородке с задубелыми черными краями и днищем, к унылой работе официантки в такой же вот столовой, как эта.

— Не получишь ни цента, дура, — снисходительно хмыкнул он пару лет назад, когда она неосторожно заговорила о разводе. — Ни цента!

Допустить подобное после пяти лет страданий Влада не могла. Это было бы предательством по отношению к самой себе. Предательством по отношению к той ненависти, которую она свято хранила втайне ото всех и копила, копила, копила...

— Так что? Станешь койку просить или нет? — Марина пытливо уставилась на Владу, без конца поддерживая сползающий джемпер. — А то в моей комнате одна свободна. Там вообще комната двухместная. Уютная, с телевизором. Душ, правда, в конце коридора. Но это ничего. Я и дома в сортир на огород в скворечник бегала. А тут вообще красота, тепло. Так что, Влада, станешь моей соседкой?

— Я подумаю, — пообещала Влада, поднялась со стула, подобрала с подоконника плащ и направилась к выходу.

Она больше не могла здесь находиться. Вдыхать чад общественной кухни, там так некстати убежало молоко. Слушать за спиной гвалт непослушных детей, шлепки по рукам, когда цыганистая девочка полезла за вторым по счету коржиком. Иру все же оставили с детьми еще на неделю, установив семидневный испытательный срок.

Надо было убираться отсюда подобру-поздорову, пока кто-нибудь из знакомых не увидел. Маловероятно, конечно, но чем черт не шутит. Однажды ее совершенно случайно заметил кто-то из сотрудников мужа на вещевом рынке. Разумеется, тут же доложил, и случилась самая страшная в ее жизни гроза.

Она его, оказывается, опозорила! Она недостойно опустила его до уровня попрошаек. Она не имела права, не должна была и, конечно же, будет наказана.

Вдруг и здесь кому-то сподобится ее обнаружить, что будет тогда? Надо бы заранее придумать легенду, способную немного смягчить гнев Игоря

Андреевича. Если пронесет, то она не понадобится. А если не пронесет, то Влада вытянет ее из своего мозгового архива и преподнесет мужу в виде правды.

У нее было много таких легенд, историй, приключений, которые она копила вместе с ненавистью. Пускай не всегда, но они пригождались. И Игорь Андреевич порой веселился вместе с ней, слушая хорошо отрепетированный перед зеркалом текст, и, кажется, даже верил. Надо бы что-то придумать...

— Погоди, не уходи.

Марина догнала ее уже почти на выходе. Вцепилась в рукав плаща, не заботясь о том, что может его помять, а Игорь Андреевич не спускал неопрятности. И зашептала доверительно на ухо:

— Пойдем, я покажу тебе комнату, Влада. Пойдем, не упрячься. Куда тебе спешить? Мужик на верняк на работе до ночи. Потом в ресторан с девками. Он разве тебя может хватиться посреди дня.

Мог! Еще как мог!

Мог заехать в перерывах между совещаниями. Мог заехать переодеться, потому что Жанна-стерва по неосторожности пролила ему на брюки кофе. Пятно на брюках, правда, было совершенно не кофейного цвета и издавало специфический запах, но не говорить же мужу об этом. А мог Игорь Андреевич заехать и просто так, без всякой на то причины, и не дай бог было застать ее за праздностью. Должна была либо читать по-английски, пользуясь самоучителем. Либо вязать. Вышивание тоже приветствовалось. Либо помогать Татьяне по хозяйству. Или копаться в садовых клумбах. Торчать перед телевизором могла, по его словам, и резиновая баба. Проку что с того?..

— Ну, идем, Влада. Я покажу тебе комнату!

Не обращая внимания на то, что идти Владе со-

вершено не хочется, Марина потащила ее все же к лестнице, ведущей на второй этаж. Быстро отсчитала четвертую дверь, выкрашенную бежевой краской. Нашарила в кармане длинной юбки ключ. Открыла. И провозгласила, толкнув дверь ногой в серой тапке:

— Прощу! Входи, Владочка. Будь как дома!

Странно, но вопреки ожиданиям комната Владе понравилась. Очень миленькие обои на стенах — пестрый абстрактный рисунок в лимонно-бежевых тонах. Красивый тюль на окне. Вместо ночных штор по стеклу распласталась простыня.

— Солнце тут жарит с утра до вечера, вот и закрыли, чтобы стены и мебель не выгорали.

Из мебели была полуторная кровать под меховым покрывалом.

— Это мое из дома, — тут же пояснила Марина, любовно погладив искусственный голубоватый ворс.

Диван вдоль окна. Шкаф для одежды в углу у двери. Полированный стол и тумбочка с цветным телевизором. На полу большой ковер с белой бахромой по краям.

— Это тоже я из дома притащила, — похвасталась Марина, скинув тапки, прежде чем ступить на ковер. — А то алкаш все равно пропьет, вытащит из дома, пока меня нет. Нравится?

— Нормально, — кивнула Влада. — Жить можно.

— Вот! А я что говорю! Переезжай!

— Я подумаю, — кивнула Влада, отступая к двери. — Извини, Марина, мне уже пора.

Новая знакомая вызвалась проводить ее на улицу. Вытащила из шкафа осеннее драповое пальто. Накинула на плечи. Снова обулась в серые тапки и зашлепала рядом с Владой, треща без умолку о прелюществвах проживания в подобных центрах.

— Можно хотя бы выспаться! — выдохнула она, останавливаясь возле скамейки, на которой Влада провела много дней, наблюдая за центром. — Дома-то за волосы с кровати стащат да под дулом ружейным раздеваться заставят. А тут красота. Переселяйся, Владочка. Мы с тобой заживем!..

Зажить здесь она всегда успеет, с грустью подумала Влада. Вот узнает Игорь Андреевич о ее художествах, выставит за дверь, тогда и заживет. И будет жить долго и счастливо и умрет когда-нибудь на казенной койке, уставив в потолок подслеповатые старческие глаза. А что? Это ее вполне реальная участь, если учесть, что нет у Влады ни кола ни двора. Она даже на бабушкину комнату никаких прав не может иметь, поскольку та тоже их не имеет. Живет по временной регистрации, и все. А жить перестанет, так и комната перейдет к следующему жильцу.

Ни кола, ни двора, ни денег! Так вот она и живет, хотя в лице общественного мнения она — Черешнева Влада Эдуардовна — молодая богатая дама, проживающая в двухэтажном особняке с преуспевающим мужем-бизнесменом, домашней прислугой и всем отсюда вытекающим.

Так однажды на званом ужине у кого-то из мэрии Владе продекламировала речитативом мало-знакомая дама в мехах. Прицепилась к ней с самого начала вечера и не отпускала от себя ни на шаг. Все учила и учила, все наставляла и наставляла. А под конец так и вовсе возмутилась:

— Что это вы застыли с такой скорбью на лице, милочка?! Что вас не устраивает?! У вас есть все! — Она принялась перечислять, под финал своей обличительной речи обозначив Владу богатой, недовольной и неблагодарной. — А вы еще и скорбите! Так ступайте на стройку, в конюшни, в притон, наконец.

Хлебните лиха, чтоб осознать наконец, как вам повезло с мужем...

Она оказалась засланной — эта пышнотелая гражданка в меховом манто. Засланной Игорем Андреевичем, которому было недосуг воспитывать в жене чувство благодарности. Дел и без того хватало, столько пробелов случилось в ее воспитании, столько пробелов, работать приходилось не покладая рук.

Была она богата, сыта, одета и украшена драгоценностями. Последние выдавались ей едва ли не по описи из старинной шкатулки красного дерева, запираемой супругом на ключ. Все это должно было подразумевать дикую всепоглощающую благодарность с ее стороны, а она вдруг захотела любви и нежности. Ну не дура ли?..

— Все, пока. — Марина полезла к ней с прощальным поцелуем, отставив руку с прикуренной только что сигаретой далеко в сторону. — Жду тебя завтра. Не вздумай передумать.

Завтра! Где она, а где оно — завтра?! Влада подавила тяжелый вздох, через силу улыбнулась новой знакомой и побрела на автобусную остановку.

В автобусе сразу затесалась на заднюю площадку, предъявив проездной билет сердитой кондукторше. Уставилась в окно и стала считать остановки. Выходить ей следовало через четыре, за две до нужной. Пройти тихой улицей, пересекающейся с той, где располагался их особняк, незаметно постоять возле дома с бирюзовыми ставнями, и тогда уже можно было идти к себе.

Этот дом с бирюзовыми ставнями Влада заметила давно. Еще по прошлому лету, когда впервые вызвалась помогать Татьяне с покупкой продуктов. Та убивалась на домашней работе, все надеялась на прибавку к жалованью. Прибавки не случилось, а

обязанности возросли после того, как Игорь Андреевич выстроил гостевой домик. Татьяна потихоньку начала роптать. Тогда Влада и вызвалась помочь с покупкой продуктов. Игорь Андреевич поначалу отмалчивался, отмахивался, но потом неожиданно дал добро, ежевечерне требуя с обеих женщин подробный финансовый отчет.

Отчитывались они виртуозно, потихоньку начав обманывать супруга и хозяина по мелочам. Татьяна прикарманивала часть денег в обмен на молчание. Она не выдавала Владу, когда той приходило в голову просто погулять, обходя супермаркет стороной. В один из таких прогулочных дней и встал на ее пути этот необыкновенный теремок, возле которого она подолгу простаивала.

В нем не было ничего необыкновенного и примечательного. Подобных на этой тихой улице набралось бы с десяток. Но этот ей нравился по непонятной какой-то причине. Заставлял останавливаться каждый раз и жадно пожирать все здесь глазами, будто так вот можно было впитать в себя чужую, наверняка счастливую и беззаботную жизнь.

Очень аккуратный невысокий забор окружал старый запущенный сад. Кряжистые яблони теснили к дому четыре смородиновых куста. Из-за крыши дома торчала макушка старой груши. Клумб никаких не было. Цветы росли сами по себе. Где-то вырывались из травы и устремлялись в небо остролистые ирисы. Возле смородины облюбовали себе место заросли пионов. А чуть ближе к забору, в тени, Владе удалось рассмотреть садовые ландыши. И трава повсюду, трава. Такая мохнатая, такая сочная и высокая. Она, кажется, даже пахла как-то по-особенному, не травой, а вечным цветением. И еще, быть может, свободой.

Да, именно! Влада едва не задохнулась от волнения, поняв наконец, почему ее так тянет сюда.

Вольная воля чувствовалась здесь в каждом углу!

Ничем не стесненная, росла трава. Никто не загонял в клумбы цветник. Не стремился урезонить старые деревья, напирющие на дом. И даже рыжий кот на подоконнике вел себя абсолютно свободно. В его хитром прищуре ощущалась вольготная сытость.

Он ведь со временем стал ее любимцем — этот здоровенный котяра. И Влада даже расстраивалась, когда он не возлежал на широком подоконнике.

Сегодня рыжий был на месте. Увидел ее, широко зевнул и тут же принялся умываться, елозя по крупной мордахе мохнатой лапой. Влада улыбнулась. Отошла чуть в сторону, там возле березы имелась скамеечка, на которую она обычно присаживалась минут на десять, не больше. Села, пристроив сумочку на коленках, и с тревогой принялась осматривать территорию за невысоким заборчиком.

Ее всегда пугало, что хозяева что-нибудь здесь изменят в ее отсутствие. Спилят яблони, к примеру. Или выкорчуют пионы, что совсем заглушили смородину. Но больше всего ее страшило то, что траву пустят под газонокосилку.

За их двухметровым забором, например, не было ни одного клочка земли, где бы одна травинка переросла другую. Все высаживалось, косилось, подстригалось и обрывалось строго по правилам. И она этим правилам следовала тоже, чтобы не вызвать недовольства Игоря Андреевича. Ненавидела и следовала, следовала и ненавидела.

— Здесь все угнетается, Таня, — обронила она однажды по неосторожности, глядя в окно на свой сад. — Все, включая розовые кусты.

В старом саду за невысоким забором гнета не

ощущалось. И запущенным он мог показаться лишь на первый взгляд. А потом...

А потом приходило понимание, что в этой хаотичной вольности есть свой не обременяющий никого и ничего порядок. Здесь просто никто и ничто друг другу не мешает. И все всех устраивает. Смородина безропотно соседствует с пионами. Ландыши наслаждаются благодатной тенью яблонь. Ирисы стремятся к солнцу, при случае скрываясь в траве от палящих лучей. И рыжего кота никто не гонит с подоконника, хотя он всякий раз, забираясь на свою любимую лежанку, наверняка цепляет петли на дорогой занавеске.

Владе казалось еще, что в доме этом непременно должны жить очень хорошие, добрые люди. Жить в полной гармонии друг с другом и в ладу с самими собой. Они уж точно не стали бы скандалить из-за уродливой чайной кляксы на чистой скатерти. Не тащили бы за волосы в темную кладовку под лестницей только за то, что ее нож трижды за ужин упал со стола. И уж точно не обезопасили бы себя изуверским способом от дележа имущества при возможном разводе, как это сделал однажды с ней Игорь Андреевич.

Там живут хорошие люди, решила напоследок Влада, поднимаясь со скамейки. И они ни за что не подумают о ней гадко и плохо, если и обнаружат ее неослабевающий интерес к их обители. Обители вольнодумцев...

ГЛАВА 2

— Слышишь, что говорю тебе, или нет?! — визгливый голос Леночки перекрыл гул стиральной машины. — Эта чокнутая снова здесь ошивается.

— Почему сразу чокнутая, Алэн?

Он с трудом оторвал взгляд от мелькающих на мониторе цифр. Выглянул в окно, увидел очень красивую и очень печальную женщину. В очередной раз пожалел ее, посочувствовал ее печали и снова устался в компьютер. Ему было некогда разговаривать с Леночкой. Некогда беречь душу, пытаюсь понять, что заставляет незнакомку подолгу просиживать напротив его окон на скамеечке. Некогда, некогда, некогда...

Зато у Леночки времени было предостаточно. Времени, здоровья и злого задора, обильно сдобренного ревностью.

— Слушай, милый, а это она не к тебе сюда день за днем таскается, а? Ведь как на службу, каждый день. Как на службу. Придет, усядется, все осмолит, а потом Рыжему улыбается. Нет, если не к тебе, то точно чокнутая. Чего молчишь, ответь что-нибудь!

Она не отстанет ни за что. Такая у его Леночки натура. Хочешь не хочешь, а хотеть надо, любила она повторять со смешком. Свободен ты, нет, но разговору с ней удели время. Борьба с этим было невозможно. Вот и сейчас. С тщательно завуалированным раздражением он задвинул клавиатуру под крышку стола. Развернулся на вращающемся кресле в ее сторону и вежливо поинтересовался:

— Что ты хотела бы услышать от меня, Алэна?

— О господи, начинается! — взорвалась она тут же, запрыгнув на диван с ногами. — Ненавижу, когда ты такой!

— Какой?

— Снисходительно-вежливый, мать твою! — Она нацелилась кончиками пальцев себе в грудь, которой было слишком много, на его взгляд. Слегка по-

тюкала ими и прошипела с яростью: — Думаешь, я никому, кроме как тебе, не нужна, да?! Думаешь, ты один такой добродетельный нашелся? Или простить мне не можешь, что ушел от жены своей сирой?!

— Ну при чем тут Элла?

Он и правда удивился, как удивлялся всякий раз ее умению начинать за здоровье, а заканчивать за упокой. Предметом теперешней беседы вроде бы изначально была незнакомка, что регулярно усаживалась на скамейку подле их дома.

С чего вдруг Алене приспичило перескакивать на тему подло брошенной им жены? Главное, зачем? Все уже выяснили несколько лет назад. Он — для себя. Она — для себя и за него тоже. К чему снова ворошить старое? Снова хочет сделать ему больно или в очередной раз пытается вывести его из себя? Так с последним бесполезная затея, а первое...

Первое давно покрылось уродливыми шрамами, напоминающими коросту.

— У меня достоинств масса, милый! — продолжала живописно раздувать крохотные ноздри точечного носика Леночка. — Захочу, завтра переселюсь из этой халупы кое-куда покруче. Что скажешь?

Он давно уже перестал бояться ее угроз. Давно перестал бояться одиночества. Леночка благополучно вытравила из него его застарелый страх. Более того, она сделала то, чего не сумел сделать ни один психоаналитик.

С некоторых пор он стал вожделеть одиночества! Так-то вот, господа профессионалы. Вы бились, бились, а она за вас все это сделала своим неприятно высоким, визгливым голосочком.

И еще ему хотелось бы — да, да, это правда — утром пройтись босиком по росе. Постоять и послушать, как с тупым стуком в саду осыпаются никому

не нужные яблоки с боками, покрытыми, будто конопушками, черными точками. Как мягко шуршат по траве, откатываясь от того места, куда только что шлепнулись. И еще очень хотелось услышать ему, особенно в последние несколько недель, как лопаются почки на деревьях. Как пахнут горьковато и сладко. И понаблюдать, как из липкого кокона выползают крохотные нежные листья, как матереют потом, стареют, осыпаются к ногам. Все это было рядом, день за днем, год за годом, но почему-то проходило незамеченным...

— Что скажешь? — снова вторглась в его мысли Леночка, взметнув темные кудряшки.

— Переселяйся. — Он улыбнулся и неосторожно снова глянул в окно.

— А-а-а!!! Я так и знала!!! — Она уловила его взгляд и, конечно же, расценила все по-своему. — Я так и знала, что эта тетка ходит к тебе! Ходит и ждет. Ходит и ждет.

— Ну откуда ты знаешь, чего она ждет? — снова совершенно искренне удивился он. — И вообще, что ты можешь о ней знать, Алена?!

— А ты?! Ты знаешь?!

— Я? Я нет, — сказал он и тут же покраснел, как последний идиот.

— Врешь! — пригвоздила его Леночка и тут же презрительно плюнула в его сторону. — Провалился бы ты к чертям собачьим и с домом своим убогим, и со всей своей лабудой под названием «высокие чувства». Жаль, идти мне пока некуда, а то бы...

— А как же тот дом, что покруче?

Он не хотел ее подначивать. И был бы рад, если бы Леночка скрылась сейчас в ванной, где все еще громыхала забытая стиральная машинка. В ванной или еще где-нибудь, но лишь бы скрылась. Подна-

чил только для того, чтобы увести ее в сторону от глупых подозрений. Но Леночка была той еще штучкой, провести ее было сложно.

— Зубы мне не заговаривай, умник, — фыркнула она, вытягиваясь в полный рост на диване. — Переселюсь, когда сочту нужным. А вот что касается этой дамы... Ты что, следил за ней? Следил, так?!

Чтобы не покраснеть еще раз и не выдать себя с головой, он вскочил с кресла и ринулся прочь из комнаты. Он будет мести улицу, будет полоскать белье, развешивать его потом вкривь и вкось — другому не получалось — на бельевых веревках за домом. Будет делать что угодно, лишь бы не находиться сейчас подле этой подлой девки, которая дергала и дергала его за нервы, ворошила и ворошила потухшие угли в его душе. И чего не живется человеку спокойно? Чего надо ей, сказал бы кто?! Дом ее не устраивает? Да, он согласен. Дом старый, обветшалый, но это же временно. И квартира в центре города, где второй год ведется затянувшийся ремонт, имеется шикарная. И мебель туда уже куплена и дремлет под толстым слоем целлофана на мебельных складах. Всего и нужно-то — потерпеть немного. Нет, ее будто демоны раздирают, придирается и придирается. Липнет и липнет с гадкими вопросами. Первый год житья из-за Эллы не давала.

— А ты все еще любишь ее, милый?..

— А ты вспоминаешь ее?

— А она лучше в сексе, чем я, или нет?

— Твое сердце успокоилось? Если да, то почему ты стонешь ночами и зовешь ее по имени?..

И так день за днем и по нескольку раз в день. Разве так можно?!

Тема Эллы сменилась благополучным затишьем

в пару лет, теперь вот прицепилась к этой женщине. И чем она ей не угодила?

Ну приходит. Ну сидит и молча смотрит на их дом. Что с того? Тоска, может, душу ее гложет. От безысходности, отчаяния или одиночества ходит она сюда. Да мало ли причин! Он и сам ходил два года подряд к тому пруду, где с Эллой познакомился. Уже разведен был давно, с Ленкой жил, а на пруд ходил. И тоже на скамейку садился и смотрел часами на толстых уток, прикармливал их булками, шикал, когда галдели. Но ведь не уходил, сидел и смотрел. Может, до сего времени ходил бы туда, если бы не Ленка. Выследила, гадина, и такое устроила...

— Прячься от меня, не прячься, — дверь старенькой ванной распахнулась, как от ветра ураганного, и Елена ввалилась в крохотную комнату, — но ты точно за ней следил. Станешь отрицать, снова потащу по врачам, так и знай. Пускай тебя признают сумасшедшим или тихим маньяком. Скажу, что тайно ходишь за женщиной, сильно напоминающей тебе твою покойную супругу.

Пододеяльник, который он только что выполоскал и собирался отжать, выскользнул из рук и упал обратно в ванну, забрызгав недавно поклеенные обои. Нет, это только Ленке могла прийти в голову идея заклеить бумагой стены в помещении, где постоянно сыро. Другой здравомыслящий человек прежде подумал бы, а она...

Кстати, что она только что сказала? Кажется, она пытается обвинить его в сумасшествии, маниакальной страсти ко всем женщинам, хоть отдаленно напоминающим ему Эллу? Кажется, так. Но ведь это глупо! Та женщина со скамейки, разве она похожа на Эллу? Да ничуть!

Элла была брюнеткой, а эта блондинка. Причем

натуральная, а не высветленная, он в этом неплохо разбирался. И неплохо рассмотрел ее со спины, когда пошел однажды за ней следом. Элла была крохотной во всем. Рост, размер стопы, ладошки, грудь, все было миниатюрным, почти детским. А эта женщина...

Она была высокой, с прекрасной фигурой, на такие фигуры теперь спрос у всяких папиков. Кстати, с одним из таких она и живет в своем огромном доме, который с легкостью променяла бы на его — полуразвалившийся. Видимо, не сладко ей там жилось — в ее золотой клетке.

Так вот она была высокой блондинкой, а Элла...

Элла была крохотной, беззащитной, ее мог обидеть всякий, и даже он не удержался. Взял и подло бросил ее ради Ленки. На кого променял, идиот!!! Взял и бросил.

А потом Элла бросила его. Поначалу все принимала его в гостях, принимала от него подарки, деньги, которые он совал ей в прихожей, чувствуя себя распоследним подонком. Улыбалась ему! Просила не чувствовать за собой никакой вины! Говорила, что вполне счастлива и совсем не одинока, а потом взяла и бросила.

Точнее, бросилась под пригородную электричку. Уехала самым дальним маршрутом и бросилась там прямо с перрона под страшные стальные колеса. Они чудовищно изуродовали ее тело, его душу и его сознание.

Когда ему сообщили о ее гибели, он как раз...

А чем он, кстати, занимался в тот момент? Да, точно. Он собирался выпить кофе с пирожным, которое принесла из кондитерской его секретарша. Надо же, как запомнилось!

Александра заглянула в его кабинет, поддраз-

нивая, помахала в воздухе крохотной коробочкой с пирожными, от которых по кабинету тут же поплыл сладковато-нежный запах ванили и шоколада, и спросила:

— Женья, будешь?

— Давай. — Он кивнул, не обращая внимания на то, что Сашка снова опустила его отчество.

Знакомы были давно, еще со студенчества. Отношения были теплыми, дружескими. Сашка часто приходила к ним с Эллой в гости, без конца представляя им все новых и новых своих избранников. Напивались иногда, часто ездили на природу, удили рыбу. Хорошо было, какое тут, к черту, может быть отчество?! При посторонних — да, а тет-а-тет — ну его к черту.

— С чаем или с кофе? — уточнила Александра, вдруг нахмурилась и спросила: — Что-то ты, Женек, со своей молодой женой не очень хорошо выглядишь. Не высыпаясь, что ли?

Его гражданское сожитительство с Еленой Александра не то чтобы не одобряла, она его просто-напросто игнорировала. Не стало рыбалок, застолий за полночь, не стало ничего. Одно вот имя без отчества их теперь и связывало.

— С кофе, Санек, с кофе я стану есть твои пирожные, — уточнил он, мягко опустив второй ее вопрос.

Он ничего ни с кем не собирался обсуждать. Ни того, почему не высыпается. Ни того, отчего так скверно выглядит.

Устает он, понятно? Просто устает от работы, от новых отношений, которые предстоит еще строить и строить. Ведь и фундамента еще не возведено!

Устает от мыслей подлых. И от ревности еще, да!

Стыдно кому признаться, он ревновал свою быв-

шую жену ко всем и ко всему. Даже к несуществующим любовникам, которые еще только могли у нее появиться, ревновал. Ревновал к новой работе, новой мебели, которую сам же ей и подарил и на которой она теперь сидит и лежит без него. К его отсутствию в ее жизни ревновал особенно. И терзался день за днем в мыслях: а думает ли она о нем, а вспоминает ли, а что именно думает, что вспоминает?

Дверь распахнулась, вошла... Нет, не вошла, во-рвалась Сашка и уставилась на него чумовыми потемневшими глазищами. Рот распахнут, глаза того гляди вывалятся и руками вспархивает, как курица, ей-богу.

— Саш, ну чего еще? Чайник выкипел или пирожное на пол уронила? — улыбнулся ей Женя, зная за секретаршей слабость к паникерству.

— Там!!! Там, Женя!!!

— Что там? Ну что там? — Он вытянул шею, пытаясь просмотреть приемную из-за Сашки в распахнутую настежь дверь. — Нет там никого. Ты чего всполошилась?

— Там звонят! — выдавила через силу она и очень громко, как-то неестественно громко всхлипнула. — Там, Женя! Там Элла...

Эллы никакой в приемной не было. Он видел это преотлично. И разозлился тут же от ненужного упоминания имени бывшей жены. Он себе не позволял ее имя лишний раз произносить, с чего вдруг это стало позволительно Сашке?

— Где Элла, Сашок? Ты можешь говорить внятно?

Странно, но даже в тот момент не было предчувствия беды. Принялся перебирать бумаги. И все ждал, когда она либо уйдет, либо объяснится. А она вдруг разревелась. Да громко так, по-детски совершенно, плечи, грудь принялись чудно так подпрыги-

вать. Какие-то судорожные всхлипы из горла и ни одного внятного слова, ни одного ведь!

Не выдержал он, когда она в десятый раз назвала имя его бывшей жены. Выбрался из-за своего стола. Обошел Сашку стороной, выглянул в приемную и обнаружил телефонную трубку, снятую с аппарата.

— Алло! — рявкнул он непозволительно грубым для самого себя голосом.

— Евгений Викторович? — уточнил женский голос с излишней трагичностью.

— Да, Евгений Викторович у телефона. Слушаю вас.

И ведь снова ничего такого не закопошилось в мыслях. Ничего! Ни единого вопроса. С чего ему звонит незнакомка, к примеру? Почему у нее столь печальный голос? И чем она сумела в два счета так расстроить Александру — его секретаршу и в недалеком прошлом отличную подружку?

— Удальцов Евгений Викторович? — снова повторила настырная женщина, голосом еще более печальным, чем прежде.

— Он самый! — Он даже развеселился, помнится. — А в чем, собственно, дело?

— Вам звонят из Воронцовского отделения милиции. Железнодорожного отделения, — уточнила она, наконец-то его озадачив.

Милиция?! Да еще воронцовская?! С чего бы это? Это же черт знает где! Какое отношение это имеет...

И вот тогда она и сказала. Все так же, не меняя тона, женщина сначала спросила его про Эллу. Мол, какое отношение он к ней имеет и имеет ли вообще? Он сказал, что да, имеет. Хотя не имел давно. Хотя подло предал ее и бросил потом.

А потом...

Он ведь упал в обморок, дослушав ее и переспро-